

Н. АБРАМОВИЧ

«Подстриженные сады» молодой поэзии и беллетристики

З. Гиппиус

Зин. Гиппиус недавно выпустила две книжки рассказов и критических статей. По правде говоря, они обе слабы. Но в рассказах ее — при некоторой однотонности и эпизодичности фабул — веет тот дух живой, оригинальной и настойчивой мысли и свежих, острых настроений, который был еще сильнее в прежних книгах беллетристики. В книжке же статей много, очень много бумажного, сухого, полумертвого. По-видимому, говоря *от себя*, писатель больше может дать, чем говоря о других. И Антон Крайний представляется мне гораздо менее даровитым и интересным, чем З. Гиппиус. Но судьба книг и отдельных статей бывает часто непонятной. Проникнутые напряженной, острой силой переживаний и оригинальной экзотичностью их, рассказы З. Гиппиус имели своего особого и немногочисленного «*интимного*» читателя и никогда широкой популярностью не пользовались. А колкие и умные статьи А. Крайнего в газетах и журналах приобрели ему быструю и большую популярность. Вот пример того, как *меньшим* можно достигнуть *большого*. Публика часто кричит писателю: «Принизься, уменьшись, — и мы возьмем у тебя больше».

В своем «Литературном дневнике», в страницах этой «критики любви», писательница все время держит себя в состоянии какого-то холодка, сдержанности. Разнося одного, поощряя другого, она не позволяет себе увлечься ни отрицанием, ни утверждением. Какая-то нарочитая женская сдержанность сквозит в этой сухости слова Антона Крайнего; как будто в критике, этой теоретической головной работе, он боится свободной творческой обнаженности, как будто не познал он этого открывания себя в художественном письме.

Впрочем, Антону Крайнему эта суховатость, пожалуй, выгодна: она обостряет колкость его пера, кончик которого до-

вольно остро отточен. Но как часто тот же Ант. Крайний прячется за общие формулы о культурности, о религиозности!.. Как будто убоясь, что вот-вот прорвется броня условных банально-литературных форм и потечет струйка безумно-едкого, цинически дерзкого скептицизма, в котором заключена своя особая вера, какое-то особое «да», — критик сам держит себя за руки и торопливо отстраняется от соблазна.

Много меткого сказано им об Андрееве, о С.-Ценском. Глубоко в могилу опустил он Кузмина с его «Крыльями», похоронив скандальную популярность жреца сексуальных откровений. И только в очерке о прозе Брюсова чувствуется диссонанс, может быть, самонасилие. Слишком З. Гиппиус искушена в тайнах художественного слова, чтобы Антон Крайний мог придавать серьезное значение старательным имитациям Брюсова.

Что необходимо отметить в критических очерках Антона Крайнего, так это новизну приемов, главным образом этот тон чего-то иронически-серьезного, как будто беглого, как будто скользящего и случайно-парадоксального и в то же время остро жалящего. Этому тону давно уже стремится подражать г. Чуковский, иногда не без успеха. Но не следует забывать, что путь здесь проложен Антоном Крайним.

Но Антон Крайний, если и закрывает в своей «критике любви» своего бога, то все же дает ясно почувствовать, что он есть. Между тем как подражающие ему в приемах лихие наездники критических полей прячут от взоров публики свою собственную пустоту. Впрочем, один из них имел счастливую мысль дойти до грани. В один прекрасный день он всенародно снял покрывало и с улыбочкой, забавной и циничной, обнаружил, что, мол, пусто, ничего нет...

«Апофеоз случайности...» Отсутствие устоя — вот наш устой. «Пожалейте нас бедных...»

Причем же тут жалость? Человек, как-то приплясывая и звонко потешаясь, кричит о своей пустоте, а между слов лицемерно шепчет: «Пожалейте...»

Да жалость-то ему и не нужна. Ему весело с его пустотой. Да и притом как практически полезен этот апофеоз случайности: он уничтожает все «почему», он соединяет все несоединимое, он объясняет все и вся, уничтожая необходимость смысла, связи, последовательности, устойчивости, самобытности...

Можно очень хорошо прожить на свете. Стоит только придумать словечко...

